

Юрий Романенко*

ФИЛОСОФИЯ, ВЛАСТЬ, ЭВОЛЮЦИЯ (ПО МОТИВАМ ПРОИЗВЕДЕНИЙ В. В. БИВИХИНА)**

Получено: 01.11.2022. Рецензировано: 30.12.2022. Принято: 08.01.2023.

Аннотация: В статье предпринимается попытка обнаружить смысловые и исторические связи понятий философии, власти и эволюции на материале сочинений В. В. Бибихина. В первой части текста при помощи обращения к его работам «Власть России» и «Поиск своего в „Алквиаде“ Платона» показывается, что философская власть парадоксальным образом оказывается безвластной. Это прежде всего власть над собственными мыслями, и именно таким образом философия может оказать влияние на политическую власть. Во второй части работы анализируется книга В. В. Бибихина «Лес», посвященная проблеме живой материи в античной и современной биологии, а также факторам эволюции. Автор этой книги допускает метафизическое предположение о влиянии сверхъестественных существ (богов, ангелов, демонов) на эволюцию человеческого вида. Данная идея рассматривается в точке пересечения научных, философских и теологических интенций. В третьей части текста предпринимается попытка проиллюстрировать и совместить основные идеи первой и второй частей на примере деятельности Сократа, которая оказалась нетривиальным способом воздействия на эволюцию политической власти силой философской мысли, инспирированной божественным присутствием (голос демона).

Ключевые слова: Владимир Бибихин, власть, эволюция, онтология, событие, идея, материя.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-1-219-242.

Данный текст представляет собой результат двух докладов, сделанных автором на двух научных конференциях последнего времени, которые были посвящены творчеству Владимира Вениаминовича Бибихина. Во-первых, 14–16 октября 2021 года состоялись «Третьи Бибихинские чтения» на родине В. В. Бибихина в г. Бежецке Тверской области, организованные Институтом философии РАН, НИУ «Высшая школа экономики» и Бежецким краеведческим обществом; там автор выступил с докладом «Отношение философии и власти в работах В. В. Биби-

*Романенко Юрий Михайлович, д. филос. н., профессор; Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург), yr_romanenko@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-9637-2172.

**© Романенко, Ю. М. © Философия. Журнал Высшей школы экономики.

хина»¹. Во-вторых, в Европейском университете в Санкт-Петербурге 10 ноября 2021 г. прошла конференция «Новая феноменология природы: к интерпретации курса лекций В. В. Биbihина „Лес“» (организатор — А. В. Магун), на которой мною был сделан доклад «Сверхъестественный отбор в человеческой эволюции»².

Таким образом, композиция этого текста состоит из трех частей, две из которых репрезентируют содержание упомянутых устных выступлений, а третья — представляет собой попытку связать эти достаточно разнородные тематические области, маркируемые двумя ключевыми словами — власть и эволюция, в едином смысловом контексте, задаваемом идеями событийной онтологии в интерпретации В. В. Биbihина.

Основная методологическая сложность при решении этой задачи заключается в том, что феномен власти и феномен эволюции принадлежат разным регионам сущего, выражаясь по-хайдеггеровски. Говоря по-другому, на языке неокантианцев, проблема власти проявляется в сфере свободного духа, а проблема эволюции имеет отношение к миру природной необходимости. Соответственно этому предметному делению на науки о духе и науки о природе проводится и методологическое различие: природные явления объясняются номотетическим способом, в рамках которого раскрываются их универсальные закономерные связи, а духовные (или т. н. социокультурные) явления понимаются и выражаются идиографически, то есть в описании их уникального характера.

Это хрестоматийное методологическое различие между естествознанием и социогуманитарным знанием, установленное в начале XX века, остается актуальным и вместе с тем инспирирует поиски новых междисциплинарных переходов и синтезов. На наш взгляд, в работах В. В. Биbihина, которые анализируются в данном тексте, разработаны контуры оригинальной герменевтики, позволяющей преодолеть обозначенный методологический дуализм между науками о природе и науками о духе. Ключ к этой нетривиальной герменевтике — онтологический

¹Видеозапись докладов «Третьих Биbihинских чтений» (2022) находится по адресу: https://vk.com/video-22543217_456239573?list=6ab75593aa7db18a56 (дата обращения: 18.09.2022).

²Видеозапись докладов конференции «Новая феноменология природы: к интерпретации курса лекций В. В. Биbihина „Лес“» находится по адресу: <https://www.youtube.com/watch?v=ХуoIVynfKfo> (дата обращения: 18.09.2022).

концепт события, разработанный поздним Хайдеггером и проинтерпретированный и примененный самим Бибихиным в новых областях в его оригинальных произведениях.

Более того, следует отметить, что это также сказалось на языке изложения, прежде всего на особой эвристичности метафор. Дело в том, что сам трансдисциплинарный переход между естествознанием и гуманитаристикой имплицитно подразумевает использование нетривиальных же метафор, т. е. смысловых пере-носов из разнородных областей, коммуникативной целью которых является событийное понимание. Еще одним следствием подобной методологической инициативы оказывается принципиальный онтологический парадоксализм, являющийся для В. В. Бибихина, как и для М. Хайдеггера, индикатором скрывающейся-раскрывающейся истины бытия. Хотя задолго до них этот парадоксализм сумел выразить еще Гераклит в диалектической метафоре любящей скрываться эволюционирующе-инволюционирующей, развивающе-свивающейся природы.

Таким образом, герменевтическая задача данного текста заключается в попытке связать слова «философия», «власть» и «эволюция», встречающиеся в смысловой близости в произведениях В. В. Бибихина, в качестве метафор в их взаимной круговой поруке, то есть посредством герменевтического круга. Для адекватного понимания важно войти в динамический режим вращения этого круга (если угодно, игры разгадывания загадок), произвольная остановка которого и формальная фиксация однозначных терминологических конечных результатов под видом соблюдения научной корректности влекут за собой коллапс философского смысла.

ОТНОШЕНИЕ ФИЛОСОФИИ И ВЛАСТИ В РАБОТАХ В. В. БИБИХИНА

Проблему отношения философии и власти можно назвать давней: она берет свое начало еще в Античности. Начнем с рабочей дефиниции власти: ее определяют как некую возможность навязать свою волю другим даже вопреки их сопротивлению. Будем исходить из такого простого определения, не обращаясь к концептуально усложненным конструкциям социально-политического характера, в которых может быть заблокирован переход от искусственного измерения в естественное. В этом смысле методами власти становятся и насилие, и более мягкие средства и способы, то есть кнут и пряник: обещания, угрозы, поощрения, позитивные стимулы и т. д. Феномен власти в целом амбивалентен. Специалисты выделяют элементарную структуру власти: есть субъект

власти, который способен приказывать, а есть объект власти, который должен подчиняться. Однако имеется еще определенный общий контекст властных отношений — это социальные нормы, в рамках которых субъект и объект должны приспосабливаться друг к другу. В качестве источников власти выделяют авторитет (социальный, моральный, интеллектуальный и пр.), харизму, право и т. д. Если рассматривать власть в идеальном плане, то она должна достичь режима самоуправления, когда все ее элементы обретают способность четко взаимодействовать — вплоть до смены ролей и даже оборачивания друг в друга. На мой взгляд, размышления В. В. Бибихина на эту тему были обращены именно в эту сторону. Речь идет об отношениях философии и власти как обособленных, но взаимосвязанных феноменов. Проблема не в том, что они существуют по отдельности, — в определенной точке они совпадают, когда ставится вопрос о власти философии над самой собой, прежде всего над собственными мыслями, без чего она не может быть саморазвивающимся, то есть автоэволюционирующим процессом. Именно этот момент определяет внимание В. В. Бибихина к данной проблеме.

Если кратко рассмотреть его работы по этой тематике, то можно увидеть, что он в разных местах обращается к ее историческим, онтологическим, антропологическим и теологическим аспектам. Прежде всего, в таких текстах, как «Введение в философию права», «Собственность», «Другое начало». В своей интерпретации я выделю два фрагмента из его сочинений: это, во-первых, работа «Власть России», во-вторых, «Поиск *своего* в „Алкивиаде“ Платона». Что касается комментаторской литературы, то следует обратить внимание на ряд текстов, авторы которых уже анализировали данную проблему, в частности на статью И. И. Павлова «Онтология власти как онтология истории: политическая философия Владимира Бибихина» (Павлов, 2019: 195–223). В ней автор показал, учитывая парадоксальный характер мышления В. В. Бибихина, что оценки его трактовки разделяются на прямо противоположные даже у его последователей, к примеру у М. А. Богатова и А. В. Магуна, и это неслучайно. Онтические характеристики власти имеют в виду дифференцированные типы власти над определенными родами сущего, в онтологическом же подходе ставится вопрос о власти над властью, то есть о ее естественном самовосстановлении в бытии.

Есть смысл начать рассмотрение проблемы соотношения философии и власти с момента зарождения философии. Существует легенда, повествующая, как возникло само имя философии. Здесь следует сразу

указать, что с точки зрения философской теории мифа имя как таковое, а также акт именованья имеют прямое отношение к феномену власти. В праве именованья проявляет себя воля к власти, и по этому поводу в истории всегда велась борьба. Когда и каким образом впервые в истории прозвучало имя философии и как это связано с проблемой власти? В доксографическом сочинении «О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов» Диогена Лаэртского говорится о том, что имя философии возникло в особой ситуации, а его «изобретателем» был Пифагор, который кроме этого ввел в философский обиход слово «космос» и т. п. Как сообщает Диоген Лаэртский (Диоген Лаэртский, Гаспаров, 1986: 58):

Философию философией (любомудрием), а себя философом (любомудром) впервые стал называть Пифагор... мудрецом же, по его словам, может быть только бог, а не человек. Ибо преждевременно было бы философию называть «мудростью», а упражняющегося в ней — «мудрецом», как если бы он изострил уже свой дух до предела; а философ («любомудр») — это просто тот, кто испытывает влечение к мудрости.

Как соотносится влечение к мудрости с влечением к власти?

Здесь важен и интересен сам контекст, в котором прозвучало и воссияло имя философии. По сообщению Диогена Лаэртского, Пифагор встретился с флиунтским тираном Леонтом, и в разговоре с ним слово «философия» прозвучало как имя и одновременно как концепт. Этот небольшой фрагмент повторялся и толковался в последующей истории философии, как бы упрочивая и оправдывая выбор данного имени. А. В. Лебедев, комментируя этот сюжет, указал на спорность приписывания Пифагору авторства имени философии³. В современном антиковедении предполагается, что институционализация философии, маркированной ее собственным именем, произошла в Платоновской Академии. Вместе с тем и до Пифагора было нетерминологическое употребление слова «философия». Однако именно Пифагор, взяв его слово из обыденной речи или светских разговоров, придал ему особое семантическое звучание, связанное с религиозными интенциями, моральным контекстом и пр. Таким образом, несмотря на спорные моменты, в истории за Пифагором закрепилась слава творца имени философии.

³А. В. Лебедев. Разбираясь в источниках и достоверности античной традиции о Пифагоре — изобретателе слов ΦΙΛΟΣΟΦΟΣ («философ») и ΦΙΛΟΣΟΦΙΑ («философия»). https://ihras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2018/04_12_2018_lebedev.pdf (дата обращения: 06.01.2023).

Ту встречу Пифагора и Леонта можно определить как событие в онтологическом смысле этого слова, *das Ereignis* по Хайдеггеру. Иначе говоря, философию можно понимать как такое событие, в котором его начальный импульс парадоксально совпадает с его целостной завершенностью, т. е. энтелехией. С точки зрения событийной онтологии, как неоднократно отмечал В. В. Бибихин, не событие (или события во множественном числе) существует в истории, а, наоборот, история существует и длится благодаря тому, что случилось и не прекращается детерминирующее ее определенное событие. И вот если с этой точки зрения рассматривать диалог тирана Леонта, носителя власти, и вольного мыслителя Пифагора, в котором была озвучена философия как самобытный род деятельности, то необходимо признать эту встречу в качестве онтологического события, которое длится на протяжении всей истории философии и в том числе захватывает и нас — современных встроенных свидетелей и участников этого непрерывного события.

Сложно реконструировать детали встречи Пифагора и Леонта, ее психологический и эмоциональный характер: то ли это был острый спор, то ли дружеская беседа. Но фактом остается то, что во встрече столкнулись власть и мысль. Идентифицирующим вопросом тирана: «Ты кто такой? Самый умный что ли?» — Пифагор был поставлен в двусмысленное положение, однако, не дерзя, но и не унижаясь, он назвал себя философом. В этой ситуации неопределенности Пифагор нашелся, как ответить. В дальнейшей истории это самоименование утвердилось и распространилось в новых поколениях, и поскольку имя философии остается актуальным, то и та событийная встреча сохраняется в качестве генетической программы. Можно сказать, что философия исторически родилась в ситуации выяснения ее отношений с властью.

После этого поясняющего исторического экскурса можно обратиться непосредственно к работам В. В. Бибихина по заданной теме. Во-первых, важное значение в этом отношении имеет его статья «Власть России» (впервые опубликована в журнале «Новая Юность», 1994, № 1) (Бибихин, 1994). В. В. Бибихин пишет (там же):

Мы до сих пор не можем сказать, что философия у нас поущена такую, какой ее надо видеть, свободной, делом человеческого своевластия (Максим Исповедник) без оглядки на обстоятельства. Но мы не можем сказать что философия не прижилась в России.

Своевластие здесь понимается автором в смысле самобытности (собственности), а не субъективного произвола. Далее он продолжает (Бибихин, 1994):

Неопределенность статуса философии напоминает о неопределенном статусе власти у нас. О власти в России много говорят и пишут. Сама власть первым ставит вопрос о власти и наше ответное молчание понимает в свою пользу. [...] Цель власти власть, говорит власть; вопрос о власти главный.

Мы так не думаем. Мы просим не принимать наше молчание в ответ на вызов власти за безразличие или уступку. Как-то объясниться мы всё-таки должны.

И в России, и в мире в целом власть как таковая еще не состоялась, она находится в колеблющемся становлении, что свидетельствует о ее двусмысленном характере и объясняет непрерывную борьбу за нее.

Соотношение философии и власти является принципиально онтологическим (Основы онтологии, 1997). Для демонстрации этого тезиса В. В. Бибихин обращается непосредственно к известному историческому факту, который стал определяющим событием, влияющим на последующие времена. Он поясняет: «События в самом начале исторических образований, государств, движений рано и надолго вперед угадывают ход истории» (Бибихин, 1994). Под такими событиями В. В. Бибихин имеет в виду житие и мученическую смерть святых Бориса и Глеба, которые, как известно, были убиты их братом Святополком Окаянным (историки спорят, кто был подлинным заказчиком и исполнителем этого убийства, возможно даже их брат Ярослав Мудрый). Борис и Глеб, отказавшись от сопротивления и от борьбы за власть, подали удивительный пример странного к ней отношения. Более того, будучи канонизированными святыми, как ни парадоксально, они почитаются как покровители княжеской государственной власти. К примеру, под именем святых Бориса и Глеба была выиграна битва со шведами св. Александром Невским. В. В. Бибихин пишет (там же):

Дружина требовала от Бориса и Глеба мобилизации, решительного сражения, победы, взятия города, изгнания вероломного брата. Борис и Глеб сказали, что бороться за власть не будут даже под угрозой смерти. Поступок законных наследников князя Владимира в год передачи власти определил всю нашу дальнейшую историю. [...] Законные наследники правителя Борис и Глеб, не борющиеся за власть, власть никому не дарили, не вручали, не завещали. Власть у них не была отнята, вырвана, отвоевана, ведь нельзя отнять то, за что не держатся. И так само собой получается, что хотя многие хватили власть в России, жадные от вида того как она валяется на дороге, власть

России остается всё время по-настоящему одна: власть молодых Бориса и Глеба, никуда от них не ушедшая, им ни для какой корысти не нужная, только им принадлежащая по праву, по правде, по замыслу страны. Власть России в этом смысле никуда не делась, не ослабла, не пошатнулась. Ее не надо рожать. Ей тысяча лет.

Онтология власти, если мы правильно понимаем В. В. Бибихина, заключается во власти самого мира, то есть бытия, а не разрозненных сущих, которые фактически постоянно враждуют по поводу власти. Он пишет (Бибихин, 1994):

Вызов мира никогда не диктат. Его невыносимость как раз в том, что он ничего не велит. Он молчаливый и из молчания никогда не выйдет, как никогда не кончится ожидание народа, терпение земли. Конец терпения и конец молчания, чего многие хотят и наивно провоцируют, означал бы конец русского мира.

Коротко говоря, оказывается, что власть мира является парадоксальным образом безвластной. И именно в этом заключается принципиальный интерес философии к феномену власти. Если философии и присущи властные амбиции, тем более с претензией на абсолютную власть, то эта власть может быть только безвластной. Первым это продемонстрировал Пифагор в споре с властителем Леонтом. Хотя при этом следует признать, что согласно другим историческим свидетельствам Пифагор проявлял определенные амбиции в политической жизни Древней Греции, но это можно понять как обратную сторону данного парадокса. Событие Бориса и Глеба — еще один из множества подобных парадоксальных проявлений безвластной власти.

Власть философии есть прежде всего власть над самим собой, над самым существенным, что есть в человеке, — власть над собственными мыслями. По этому поводу у В. В. Бибихина есть еще один текст, посвященный разбираемой проблеме. Имеется в виду его работа «Поиск своего в „Алкивиаде“ Платона», вошедшая в книгу «Собственность. Философия своего». Здесь рассматривается еще один пример отношений философа и властителя: умудренного Сократа и Алкивиада — молодого аристократа, имеющего большие амбиции и перспективы на власть. Сократ внимательно выслушивает эти амбиции, испытывая его возможности и способности, которые очень развиты. Кроме одной. Все многообразные задатки оказываются эфемерными, если они не управляются единой мыслью. Сократ вводит Алкивиада, как утверждает В. В. Бибихин, в школу «ученого незнания», *docta ignorantia*: «Сократ

только спрашивает и только терпеливо, умно разбирает завалы в сознании Алкивиада» (Бибихин, 2012: 191).

Без странной поддержки Сократа Алкивиаду не удастся понять в своем истоке собственную целеустремленность к власти. Так, Сократ нетривиальным образом воздействует через влияние на ум, на политические процессы, в конечном счете на власть. Прежде чем обратиться к разнообразным видам деятельности, необходимо узнать себя. А узнавание себя означает владение своей собственностью, которая, по В. В. Бибихину, есть синоним бытия. Он пишет (там же: 192):

Быстро перебрав дела, в которые Алкивиад хотел бы ввязаться, Сократ и Алкивиад уверенно отбрасывают гимнастику, музыку, архитектуру, священнослужение, медицину, судостроение, ах это всё такое важное, основательное, — и выходят на сцену фатальной игры, — Алкивиад вступит, выступит, когда полис будет совещаться о войне и мире и других делах *полиса*: Алкивиад *политик*, политику он понимает крупно, трезво, просто: это то, где и чем человека, общество поднимает на *войну*, где дело идет не о правильном-неправильном технически, воспитательно, художественно, а о хорошем и плохом *просто*, о добре и зле, правде и неправде, лучшем и худшем.

После общения с Сократом перед Алкивиадом открывается новая перспектива или перспектива нового (там же):

[он] будет действовать, развернется там, где вещи, всего больше занимающие человека, дела *полиса*, политика, мы бы сказали — и *одновременно*, оказывается, вещи человеку самые интимные, в которых человек разбирается с не помнит каких времен. Это странно, интимность политики, но это так.

Речь идет именно об интимной, тайной точке взаимосвязи философии и власти.

Если обратиться к самому В. В. Бибихину как персональному примеру философского отношения к власти, можно сослаться на некоторые воспоминания и мнения коллег-философов о нем. Среди его окружения были разные точки зрения и позиции в отношении к власти. Например, его друг А. В. Ахутин всегда радикально демонстрировал оппозиционность к государственной власти, по поводу чего между ними были споры. Другие друзья — С. С. Аверинцев и С. С. Хоружий — могли лояльно участвовать во властных процессах общества и государства. По свидетельствам можно сказать, что В. В. Бибихин всегда держал дистанцию от власти, но его отношение к ней было двойственным или даже парадоксальным.

Об этом, в частности, рассказывал в 2018 г. на Круглом столе в Институте философии Российской Академии наук, организованном Ю. В. Синеевой и посвященном 80-летию со дня рождения В. В. Библихина, академик, бывший директор ИФ РАН А. А. Гусейнов⁴. Он поделился живыми интересными воспоминаниями о встречах с В. В. Библихиным, который работал в этом академическом учреждении под его формальным руководством. У них установились взаимно уважительные отношения, появился профессиональный интерес к работам друг друга. Однако в этих воспоминаниях говорилось и о том, что В. В. Библихин ничего не просил у уполномоченного власти, не предъявлял никаких амбиций на власть. Хотя в своих работах он проводил такую мысль, что тайная власть все равно принадлежит мыслителю. Этот пример показывает, что, с одной стороны, В. В. Библихин уважительно относился к власти, хотя и мог ее критиковать, а с другой стороны, он всегда держался от власти на дистанции. В этих добрых воспоминаниях А. А. Гусейнова, который волею судьбы был встроен в систему государственного управления философией, проявилось чувство коллегиальной солидарности философов перед лицом власти предрешающих. И эта солидарность является парадигматической в истории философии, обоснованием чего оказываются проанализированные нами идеи В. В. Библихина.

По поводу сказанного в данном докладе, отреферированном в настоящем тексте, И. И. Павлов задал вопрос: насколько корректно и философски продуктивно играть на переходе от власти, понимаемой политически, и власти, как некой экзистенциальной вещи, о которой говорил В. В. Библихин, истолковывая власть России как амеханическую безвластную власть в случае с Борисом и Глебом? Не получатся ли здесь омонимии, влекущей за собой некоторые подмены понятия власти? В ответе на этот вопрос было сказано следующее: действительно, с одной стороны, реально различение проблемы власти на политический и экзистенциальный аспекты, и его объективно нужно придерживаться, чтобы не подменять одно другим. Однако всякая дифференциация подразумевает интеграцию. Вопрос заключается в том, чтобы найти единую точку пересечения политического и экзистенциального в попытке прояснения самой проблемы власти.

⁴См. видеозапись Круглого стола в Институте философии Российской академии наук, посвященного 80-летию В. В. Библихина (20.09.2018) по адресу: <https://www.youtube.com/watch?v=CbGXmWePzeA> (дата обращения: 18.09.2022).

Здесь уместно вспомнить еще одну деталь разговора Пифагора и Леонта, о которой сообщил Цицерон в «Тускуланских беседах» (V, 3, 7–10): когда Пифагор впервые в истории озвучил в присутствии Леонта имя философии,

удивленный новым словом, Леонт спросил, кто же такие философы и чем они отличаются от других людей. Пифагор ответил, что жизнь человеческая напоминает ему тот праздник, который устраивается при самых пышных общегреческих играх. Одни люди там стараются снискать венок славы и известности упражнениями закаленных тел, другие приходят, чтобы нажиться, что-нибудь продавая и покупая, а третьи, самые умные, не ищут ни рукоплесканий, ни прибыли, а приходят только посмотреть, что и как здесь делается. Так и мы: словно явились из другой жизни в эту жизнь, как на праздник из какого-то другого города, и одни природою призваны служить славе, другие — служить наживе, и лишь немногие, отбросив все остальные дела, внимательно всматриваются в природу вещей, — они-то и называются «любителями мудрости», то есть философами; и как на состязаниях благороднее всего смотреть и ничего для себя не искать, так и в жизни лучше всего созерцание и познание вещей (Цицерон, Гаспаров, 1975).

Власть философии, хотя и внутримировая, но не от мира сего, по завещанию Пифагора, который вместе с тем активно участвовал в политической жизни древнегреческого полиса, принимая сопутствующие риски конфликтов в партийной борьбе за власть. В утрированной форме классовой борьбы в философии эту идею манифестировал и воплощал В. И. Ленин. Но это можно понять как антисобытийный срыв в истории философии, в результате чего сама философия на долгие годы превратилась в служанку тиранической власти.

Как показано выше, Пифагор отделяет философов от тех, кто стремится к славе (власти) и к наживе, полагая первых не от мира сего — «словно явились из другой жизни». Может показаться из этих признаний, что философы нейтрально относятся к политической власти и экономической выгоде. Согласно известному религиозному изречению, Богу богово, кесарю кесарево. Однако даже у философов нередко возникает соблазн вступить в корыстные или славлюбивые отношения с властью: достаточно вспомнить отношения Платона и сиракузского тирана или Хайдеггера с идеологами нацистского режима. Тем не менее эти неудачные попытки не запрещают того, что экзистенциальная философская власть все-таки может обратиться и совпасть с политической властью, хотя и каким-то нетривиальным, даже парадоксальным образом. Рассудочно и однозначно разграничить политическую

власть, основанную на силе (насилии), и экзистенциальную философскую власть, основанную на отрешенной мысли, не удается. Хуже всего получается, когда философ в силу встроенности философии в систему социальных и политических отношений получает от лица бюрократических структур власть над себе подобными и не выдерживает искушения поадминистрировать и покомандовать ими или впадает в соблазн самопиара. Тогда философия превращается в пародию на саму себя, ложное проявление воли к власти. Таких случаев, увы, в профессиональной казенной науке оказывается достаточно много.

СВЕРХЪЕСТЕСТВЕННЫЙ ОТБОР В ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ЭВОЛЮЦИИ

В книге В. В. Бибикина «Лес», посвященной проблеме живой материи в античной и современной биологии, помимо традиционных вопросов в этой области, затрагивается также тема свободы и власти в процессе эволюции. Хотя это может показаться странным, так как биологическая природа относится к миру необходимости, по И. Канту, а вопрос о свободе относится к духовному измерению. И тем не менее... В. В. Бибикин ссылается на известную книгу Ричарда Докинза «Эгоистичный ген» (Докинз, Фомина, 2013), в которой развивается геноцентричный взгляд на эволюцию. Согласно ему глубинная детерминация видовой биологической эволюции — это эволюция генов, что проявляется в странном диктате и даже тирании генов, выражаясь метафорически. В. В. Бибикин так комментирует эту идею (Бибикин, 2011: 295):

Каждый вид *вынужден*, т. е. каждый вид насколько он существует в своих индивидах, особях, пленник, раб своих генов, он *обязан* подчиниться диктату наследственности, вести себя, развиваться, делать всё для продолжения рода.

Из этих естественно-научных обобщений можно сделать вывод, что отношения власти существуют уже на уровне природных биологических начал. При этом проявление такой власти оказывается парадоксальным. В. В. Бибикин пишет (там же):

Рядом переплелись, не различишь, свобода и рабство; причем кажущиеся свободными индивидуалы — рабы, кажущиеся жесткими механизмы воспроизведения — свободны и диктуют.

В 1997–1998 гг. В. В. Бибикин читал студентам философского факультета МГУ курс под названием «Лес», который впоследствии был опубликован в одноименной книге. Весной 1998 г. Бибикин приезжал на философский факультет СПбГУ и выступил там с лекцией о «живом

автомате» — ключевом концепте его натурфилософии, который также стал смыслообразующим фрагментом данного курса. У меня сохранились воспоминания об этой лекции, где В.В. Биbihин удивил (а может быть и покоробил) аудиторию идеей о том, что в человеческой эволюции участвуют боги, ангелы и демоны. В книге «Лес» эта идея представлена в содержании 23-й (24. 3. 1998) и 24-й (7. 4. 1998) лекций. Пропуск одной лекции между ними был связан с поездкой в Санкт-Петербург.

Сюжет этих фрагментов «Леса», на мой взгляд, можно было бы определить как гипотезу сверхъестественного отбора в человеческой эволюции. Трактовка «живой материи» леса у В. В. Биbihина включала в себя несколько основополагающих идей: живой автомат природы, два типа жизни (метаболическая и репликативная), а также отношения между ними, включающие в себя и симбиоз, и некую странную войну, которая может быть «чистой» и «нечистой», справедливой и несправедливой. Одна ведет к аннигиляции и катастрофе, а вторая выводит живое на новый качественный эволюционный уровень.

В естественной эволюции, согласно В. В. Биbihину, в процессе естественного же отбора различные смежные биологические виды вступают друг с другом в отношения конкуренции, вплоть до войны на уничтожение. Он подчеркивает (Биbihин, 2011: 300):

...всякий вид жизни имеет окаймляющий, отсекающий, теснящий другой вид, как бы свой страшный суд, и вид и испытывается, и очищается, и крепнет в борьбе.

Между двумя обозначенными типами жизни существует, таким образом, война. Это имело в виду в теориях биологической эволюции, в том числе и в концепции происхождения видов Чарлза Дарвина. Сам отбор, как известно, делится на естественный (в свою очередь делящийся на положительный и отрицательный) и на искусственный, который осуществляют люди-селекционеры. Но уже в естественном отборе возникает феномен войны, которая в дальнейшем проявляется в трансформированном виде в войне в социально-политическом смысле в человеческом измерении, о чем рассуждают теоретики социал-дарвинизма.

Таким образом, между разнообразными биологическими видами существует борьба, а как обстоит дело в этом отношении с человеческим видом? Этим вопросом задается В. В. Биbihин. Ведь люди также являются биологическими существами, имеющими не только политическую, культурную и интеллектуальную истории. То есть вопрос заключается

в том, как действует естественный отбор (а может быть, искусственный?) в отношении рода хомо сапиенс. Какие здесь работают факторы? В. В. Биbihин спрашивает (Биbihин, 2011: 300):

Скажите теперь, кто таким же образом причесывает, подстригает человеческий род.

Война, конечно. В древнегреческом эпосе война служит именно для причесывания поколений людей. Она же закаляет, очищает поколения. Т. е. как будто бы, при том что смешно говорить что человечество проходит естественный отбор в борьбе с крокодилами, тиграми, оно род с самоселекцией. Это немного странно.

Странность в том, что человеческая самоселекция является отношением автореференции, которое с необходимостью имплицитно парадоксальность (Romanenko and Goncharko, 2016), еще одним следствием чего становится то, что отбор получается одновременно естественным и искусственным. Однако здесь возможность человеческой самоселекции остается под вопросом.

Эта война, практически по Гераклиту, которая всегда есть борьба за власть, детерминирована инстинктом агрессии, заданным генетически, но и не только. В. В. Биbihин пишет: «Мы идем на войну не в интересах нашего вида биологического, а в интересах идеи!» (Биbihин, 2011: 301) Но ведь идеи, согласно еще платоновскому определению, есть специфические виды, правда являющиеся вечными с точки зрения идеализма, поэтому божественными и трансцендентными человеку. Исходя из этих посылок, В. В. Биbihин заключает (там же):

Тогда я скажу: рядом с человеческим родом, который очищает себя всё-таки не самоселекцией, есть соседний род, дисциплинирующий, более мощный, с которым нет и речи о том чтобы человек справился как с тиграми или микробами, это род ангелов, демонов и богов. Мы живем с этим родом в таких же жестких условиях селекции, как всё живое, известное нам, с соседними видами живого.

Вот это включение в эволюционный процесс трансцендентных существ как раз и является провозглашением сверхъестественного отбора в эволюции. В. В. Биbihин осознавал провокационность подобного заявления как в устной лекции, которую мне посчастливилось прослушать, так и в книге. Поэтому он оговаривается (там же: 302):

Господа, включение бога и богов в биологическую лестницу конечно вам покажется, не может не показаться, должно показаться насильственным

пристегиванием картины живого к метафизической схеме, но я уверен что остаюсь на научном и единственно здоровом уровне.

Метафизическое, собственно говоря, по сути является сверхъестественным. Здесь работает действительно мета-фора — пере-нос сверхъестественного в естественное, трансцендентного в имманентное, — но это необходимая онтологически метафора, без которой невозможно философское понимание бытия как единого целого. Саму мета-физику можно определить как мета-форическое всеединство, круговорот метафор бытия.

Вместе с тем этому может быть дано и конкретное естественнонаучное объяснение. Так, можно понять эту самоорганизующуюся войну видов в естественно-сверхъестественном отборе как автокаталитическую реакцию, которая является биохимической основой процессов живой материи. Жизнь автоматична в аристотелевском смысле этого слова, то есть самодвижна, то же самое получается и

у Лейбница: автомат в автомате, и до мельчайших подробностей внутри автомат на автомате, интегрированы в машину мира, которая тоже не имеет себе часовщика извне, а так что он *внутри* (Бибихин, 2011: 295).

То есть сверхъестественные существа, которым религия приписывает творение природы, находятся не только извне ее, но и внутри нее самой, в самой сердцевине ее саморазвития, что может быть предметом изучения конкретных наук в соответствии со строгими критериями научного знания.

В. В. Бибихин так завершает этот странный дискурс (там же: 302):

Смену, эволюцию видов не абсурдно будет понимать как смену богов (фетишей, тотемов), смену религий, которая никогда не бывает постепенно, как смена видов скачками.

Этим ходом мысли он намечает, хотя пока и не эксплицировано, попытку объединения принципов эволюционизма и креационизма: боги (монотеистический Бог) не только творцы человека, но и его соседи, сожители (т. е. симбиотики), а иногда и конкуренты в развивающейся природе. То же самое можно сказать и о симбиотическом соседстве с вирусами и другими микроорганизмами (пример — микрофлора). В. В. Бибихин пишет (там же: 314):

К пейзажу соседей-богов мы конечно вернемся, мы там много не досмотрели, в частности пикантное соседство вирусов и богов: проснувшись утром

в настроении, мы не знаем, его причина новый штамм вирусов или веяние и предчувствие богов.

Как это актуально звучит в эпоху вирусных пандемий и связанного с этим глобального социального ажиотажа!

ЭВОЛЮЦИЯ ВЛАСТИ И ВЛАСТЬ ЭВОЛЮЦИИ

После изложения этих двух достаточно разнородных сюжетов сделаем попытку тем не менее связать их ключевые слова «философия», «власть» и «эволюция» в едином плане, вплоть до оборачивания их друг в друга. Прежде всего необходимо продемонстрировать эту связь на конкретных действующих примерах как своеобразных эмпирических подтверждениях.

Уточним предварительно методологическую сторону дела. В начале текста говорилось о роли герменевтики, в этой же части следует сфокусироваться на феноменологии, которая так же, как и герменевтика, является онтологическим методом. Неслучайно проект фундаментальной онтологии М. Хайдеггера был попыткой объединения феноменологии и герменевтики. В этом же ключе работал и В. В. Бибихин. Под феноменом здесь будет пониматься самовысвечивающийся ориентир философского поиска. Не только философия является феноменом культуры, но и отдельные выдающиеся мыслители прошлого являются феноменальными персонажами, освещающими силой своей мысли бытийный горизонт собственной эпохи. В нашем контексте таковым феноменом оказывается Сократ. Но в чем заключается конкретно феномен Сократа в рамках обозначенного нами проблемного поля?

Интересно обратиться в этой связи к ученику Э. Гуссерля — Г. Г. Шпету, который так же, как и М. Хайдеггер, разрабатывал оригинальную модель герменевтической феноменологии. В его работе «История как предмет логики» представлена самобытная спецификация феноменологии, которую автор определил как экзemplификационный метод, претендующий на выявление логических оснований истории. Как писал Шпет: «Весь так называемый экзemplификационный метод основывается на возможности усмотрения сущностного в фактическом» (Шпет, 1988: 313). Проще говоря, суть этого метода заключается в приведении в процессе доказательного рассуждения демонстративных примеров, являющихся полным наглядным выражением абстрактной схемы. По-другому это можно также назвать феноменальной персонификацией.

Любопытно, что Г. Г. Шпет допускал в качестве таких экземплификаций и просто сфантазированный пример (Шпет, 1988: 314):

Теми, кто любит богатый подбор «примеров», фантазия должна быть даже явно предпочтена: как ни разнообразны формы конкретной действительности, фантазия может быть еще богаче. Единственное ограничение для фантазии здесь в том, что образы фантазии, каким бы они ни наполнялись «содержанием», формально-логически должны быть образами исторической фантазии.

Вооружившись этим методологическим регулятивом Г. Г. Шпета, обратимся к фигуре Сократа как к возможному образцовому примеру эволюционного влияния философии на власть. В том числе и учитывая, что никакого исторического Сократа могло и не быть, что он может быть только выдуманным литературным или драматургическим героем и даже мифологическим персонажем. Это переводит разговор в плоскость исторического коллективного воображаемого. Образ при этом оказывается особым инструментом онтологического познания, языком которого является язык метафор. В каких устойчивых образах воображался Сократ его современниками? История оставила нам определенные свидетельства.

Стихией воображаемого в античности был миф, поэтому начнем с мифологических предпосылок. В мифах, как известно, достаточно подробно описывались отношения людей со сверхъестественными существами, посредством чего объяснялся процесс космогенеза и антропогенеза. В современных мифах технологической эпохи эту роль играют различные роботы, киборги и пр. Так или иначе эти отношения связываются с феноменом власти. Основной вопрос здесь заключается в том, как в процессе борьбы за власть между естественными и сверхъестественными существами происходит эволюционный процесс. Как этот фактически сказочный сюжет можно корректно изложить с философской и научной точек зрения с соблюдением их собственных критериев, норм и правил истинности, обоснованности и достоверности?

Начнем с такого мифологического персонажа, как Леший (его предшественники — Пан, Сильван и др.), — мифического олицетворения тайной сущности леса, аристотелевской живой материи. Леший (тот же демон) служит для того, чтобы наводить на людей страх, который мобилизует человека перед лицом опасности, исходящей от окружающей среды, а это, в свою очередь, и есть важный эволюционный фактор. Кроме того, страх — это существенный атрибут самой власти. Как все-таки боги,

ангелы и демоны, о которых писал В. В. Бибихин в «Лесе», конкретно и властно воздействуют на человеческую эволюцию?

Сверхъестественные существа влияют на развитие людей посредством людей же, в которых они перевоплотились или вселились. Здесь сразу же приходит на ум пример Сократа: на него оказывал влияние голос демона, парадоксальность которого заключалась в имманентной трансцендентности. В. В. Бибихин в «Лесе» писал о некоем «косматом» человеке, который был гармонично встроен в природу леса, но потом, когда человек вышел из мира лесной природы и создал полис, он утратил свою «косматость», оцивилизовался и развернул вокруг себя искусственный мир культуры. Однако связь с лесом окончательно не прервалась. И среди окультуренных людей продолжают встречаться носители того архаического демонизма. Сократа современники воспринимали именно в такой роли. Его не случайно олицетворяли с силеном или сатиром, как, например, в похвальной речи Алкивиада в платоновском диалоге «Пир».

В ней Алкивиад практически признается в особом имажинативном воздействии на него Сократа, сравнивая его с сатиром Марсием (Plat. Symp. 215a–216c). Марсий, как известно, олицетворяя дионисийское начало, бросил вызов в музыкальной игре самому Аполлону, за что жестоко поплатился. Речи Сократа уподобляются виртуозной игре на флейте Марсия и обладают особой суггестивной силой, очаровывая и приводя душу в волнение вплоть до исступления, слушатели оказываются потрясены и захвачены совершенно иррациональным образом. Немаловажный момент в этих бурных фантазиях Алкивиада — признание в том, что Сократ был единственным, кто вызывал у него стыд, который лежит в основе морального чувства и служит воспитательным фактором. Фактически эта речь Алкивиада оказалась мифотворением Сократа. Правда, в конце этого сюжета сам Сократ иронически деконструировал этот образ, но ведь всем известна амбивалентность сократовской иронии...

Вдохновляясь этим примером, можно также сопоставить поведение Сократа в интеллектуальном пространстве античных Афин с поведением Лешего — древнеславянского аналога древнегреческого сатира. Логический метод сократовского диалога — индукция, т. е. наведение, — является не чем иным, как кружением путника в лесных дебрях философских проблем, обучением ориентировки и наведением на поиск истины. Зооморфными мифическими образами Сократа, кроме этого,

были овод и скат, что также неслучайно. Укусы овода или электрический удар хвоста ската — это метафорически выраженные властные импульсы, которые служат мобилизации человеческих сил. Если угодно, их можно трактовать в качестве вакцинирующих прививок, приспособляющих иммунную систему организма к различным инфекциям. Судя по всему, через внутренний голос демона Сократа, а это хрестоматийный историко-философский пример, боги воздействовали на его сограждан и тем самым властно управляли ими. Как выше мы уже упоминали, одним из примеров подобного воздействия было влияние философа Сократа на начинающего политика Алкивиада.

Чтобы выразить мифическое влияние Сократа, предложим собственную иммунологическую метафору. Одним из обвинений на суде Сократа было то, что он, дескать, изобретал новых богов, или демонов, которые распространялись среди людей, подобно вирусному заражению. Следует вспомнить, что в античной традиции демоны назывались «богами на одно мгновение», то есть демоны понимались как сиюминутные вторжения божественного в человеческое, имманентизация трансцендентного. Такое вторжение на языке хайдеггеровской философии называется событием, *das Ereignis*. Здесь неслучайна связь богов и вирусов, о которой также писал В. В. Бибихин в «Лесе». Эпидемический характер заражения природными вирусами и бесплотными идеями-богами практически одинаков. В этой связи становится актуальной разработка определенной онтологии иммунитета, в которой бы рассматривались проблемы материальных и идеальных инфекций и возможной защиты от них. А ведь формирование иммунитета, в том числе коллективного, — это существенный аспект эволюции. Боги как бы избирают конкретных людей — Сократ здесь один из показательных примеров, — заражают их своими идеями, а потом наблюдают, как иммунная система реагирует на эту инфекцию. Те, кто дает адекватный иммунный ответ, одолевая болезнь, проходят через сито естественного-сверхъестественного отбора.

Результатом подобного спонтанного фантазирования может быть метафора Сократа-вируса, сопоставимая с уже известными метафорами овода и ската. Но здесь следует сделать уточнение, что не собственно Сократ может быть уподоблен вирусу как своеобразной самокопирующейся программе. Он сам в свое время претерпел инфекцию, на которую его организм выработал антитела, благодаря чему самоисцелился. После этого он продолжал распространять эту инфекцию-программу воздушно-вербальным путем, но уже в ослабленном виде, тем самым служа вакцинирующим элементом для окружающих, формирующим

коллективный иммунитет. В этом плане диалоги Сократа можно метафорически определить как иммуномодулирующую терапию.

Фигура Сократа оказалась ключевой и переломной в классический период развития древнегреческой философии. Он вобрал в себя достижения своих предшественников, так называемых досократиков, заразившись их идеями, а потом, после определенной внутренней трансформации, эти преобразованные идеи распространились от него в новых поколениях, от Платона, Аристотеля и далее. То есть Сократу удалось совершить парадигматический сдвиг, революцию в истории философии. Это был переход на какой-то новый культурный уровень. И здесь явно не обошлось без работы сверхъестественного отбора в человеческой эволюции.

Хотя подобная трактовка личности мыслителя Сократа является ограниченной, конечно. Сократ — это целый пучок вероятных образов, о некоторых мы можем еще не догадываться. Возможны и противоположные интерпретации, на которые указывал на данной конференции М. А. Богатов, приводя мнение Ф. Ницше, трактовавшего как раз Сократа не в архаическом ключе, а наоборот. Можно согласиться с тем, что его сложно однозначно определить, он амбивалентен по своей сути. С одной стороны, Сократ — мифотворец, воплощение сатира, косматого лесного существа, а с другой стороны — провозвестник научного рационализма. Извечная борьба дионисийского и аполлонийского начал. Причем оба аспекта незаметно оборачиваются друг в друга, и в результате получается парадокс. Этот двоящийся образ Сократа соответствует различению двух типов жизни — метаболического и репликативного — в реконструированной В. В. Библихиным концепции живой материи аристотелевского леса. Обе жизни принципиально различны, но и пребывают в симбиозе, который в переломные моменты подразумевает борьбу за власть и войну. Сократ находился под перекрестным огнем инфицирующих агентов, как материальных, так и идеальных, но его иммунная система сработала адекватно. Опыт Сократа оказался эффективным в качестве вакцины, благодаря чему впоследствии выработался коллективный иммунитет в процессе истории философии, то есть эволюции человеческой мысли. Власть эволюции определила эволюцию власти.

Как показывает приведенный пример, в качестве экзemplифицированного феномена в триаде Сократ–Марсий–Алкивиад демоны оказывают влияние на людей, управляя их волей через посредство их же воображения. Власть над воображением оказывается самой тонкой и виртуальной, но вместе с тем и самой эффективной. А как иначе

можно понять роль сверхъестественного отбора в процессе человеческой эволюции, а также происхождение современного городского человека от косматого лесного предка? В современной философии эта проблема проявилась, в частности, в попытках помыслить феномен «архиископаемого» или «доисторического» в рамках так называемого спекулятивного материализма (К. Мейясу). Предлагаются различные рациональные аргументы и аналитика условий возможности мышления архиископаемого. Перспективным направлением этих поисков может быть разработка герменевтики воображаемого, контуры которой оригинально обозначены в книге В. В. Бибихина «Лес».

В этом контексте можно привести еще один феноменальный пример из библейского мифа о близнецах Исаве и Иакове. По сюжету первый был «косматым», а второй «гладким». Между ними завязалась драматическая конкуренция и борьба за первородство, в которой хитростью победу одержал Иаков. Произошел естественный (или сверхъестественный?) отбор, который символически истолковывают как победу культурного человека над природным (материальным). Бесхитростный Исав лишился какой-либо власти и оказался в резервации в процессе исторического прогресса.

Кстати сказать, в дебрях нынешнего сетевого науцпопа есть информация о том, что у современных людей продолжают сохраняться гены, благодаря которым они могут иметь полный волосяной покров на теле, однако на каком-то этапе эволюции эти гены оказались отключены, вероятно, потому что человек вышел из леса и изобрел соответствующие искусственные способы обогрева (эксплуатируя, между прочим, накопленную лесом энергию углеводов). Не исключено, что данные генетические мутации могут пойти в обратном направлении, если произойдут трансформации в окружающей среде или расширится процесс «ухода в лес», пропагандируемый современными реакционными консерваторами.

В мифе о сатире Марсии имеется один жуткий момент. После музыкального турнира с Аполлоном последний жестоко с ним обошелся, содрал с него космы вместе с кожей. Данный сюжет получил распространение в живописи, где натуралистически изображается эта казнь (см., к примеру, картину Тициана «Аполлон и Марсий»). Эту символику можно истолковать таким образом, что в процессе сверхъестественного отбора в мифогенезе лесные хтонические существа потерпели поражение, были подвергнуты репрессиям и в Космосе воцарилась власть

олимпийского пантеона, в котором ведущую роль стал играть бог светлого разума Аполлон. Эта тенденция продолжается и поныне в разных областях культурного творчества. Монополия на власть остается в руках адептов Аполлона, тем самым обеспечивая необратимое направление эволюции философии. Однако иногда в гости к урбантропологическим обитателям навещаются их дальние родственники из леса, напоминая об их общем происхождении...

СОКРАЩЕНИЯ

Plat. Symp. *Plato. Symposium // Lysis. Symposium. Gorgias / trans. from the Ancient Greek by W. R. M. Lamb. — Cambridge (MA) : Harvard University Press, 2001. — (Loeb Classical Library ; 166).*

ЛИТЕРАТУРА

- Бибихин В. В.* Власть России / Владимир Бибихин. — 1994. — URL: http://www.bibikhin.ru/vlast_rossii (дата обр. 18 сент. 2022).
- Бибихин В. В.* Лес / сост. О. Е. Лебедевой. — СПб. : Наука, 2011. — (Слово о сущем ; 92).
- Бибихин В. В.* Собственность. Философия своего / сост. О. Е. Лебедевой. — СПб. : Наука, 2012. — (Слово о сущем ; 100).
- Диоген Лаэртский.* О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. — М. : Мысль, 1986.
- Доккинз Р.* Эгоистичный ген / пер. с англ. Н. Фоминой. — М. : Corpus, 2013.
- Основы онтологии / под ред. Ф. Ф. Вяккерера, В. Г. Иванова, Б. И. Липского, Б. В. Маркова. — СПб. : Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета, 1997.
- Павлов И. И.* Онтология власти как онтология истории : политическая философия Владимира Бибихина // Социологическое обозрение. — 2019. — Т. 18, № 3. — С. 195—223.
- Цицерон Марк Туллий.* Тускуланские беседы. Книга v / История древнего мира ; пер. с лат. М. Л. Гаспарова. — 1975. — URL: <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1422368005> (дата обр. 18 сент. 2022).
- Шпет Г. Г.* История как предмет логики // Историко-философский ежегодник 1988 / под ред. Н. В. Мотрошиловой. — М. : Наука, 1988. — С. 290—320.
- Romanenko Y. M., Goncharko O. Y.* A Brief History of Self-reference Notion Implementation in Byzantium : Did the Byzantine Theologians and Scholars Formulate Russell's Paradox? // *Scrinium*. — 2016. — Vol. 12, no. 1. — P. 244—260.

Romanenko, Yu. M. 2023. "Filosofiya, vlast', evolyutsiya (po motivam proizvedeniy V. V. Bibikhina) [Philosophy, Power, Evolution (Based on the Works of V. V. Bibikhin)]" [in Russian]. *Filosofiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki [Philosophy. Journal of the Higher School of Economics]* 7 (1), 219–242.

YURIY ROMANENKO

DOCTOR OF LETTERS IN PHILOSOPHY, PROFESSOR

A. I. HERZEN RUSSIAN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY (SAINT PETERSBURG, RUSSIA);

ORCID: 0000-0001-9637-2172

PHILOSOPHY, POWER, EVOLUTION (BASED ON THE WORKS OF V. V. BIBIKHIN)

Submitted: Nov. 01, 2022. Reviewed: Dec. 30, 2022. Accepted: Jan. 08, 2023.

Abstract: The article attempts to discover the semantic and historical connections between the concepts of philosophy, power and evolution on the basis of the works of V. V. Bibikhin. In the first part of the text, referring to his works "The Power of Russia" and "Searching for One's Own in Plato's 'Alcibiades'", it is shown that philosophical power paradoxically turns out to be powerless. It is power over one's own thoughts first of all, and it is in this way that philosophy can influence political power. The second part of the work analyzes the book by V. V. Bibikhin "The Wood", dedicated to the problem of living matter in ancient and modern biology, as well as the factors of evolution. The author of this book admits a metaphysical assumption about the influence of supernatural beings (gods, angels, demons) on the evolution of the human species. This idea is considered at the point of intersection of scientific, philosophical and theological intentions. In the third part of the text, an attempt is made to illustrate and combine the main ideas of the first and second parts on the example of the activities of Socrates, which turned out to be a non-trivial way of influencing the evolution of political power by the power of philosophical thought inspired by the divine presence (the voice of a demon).

Keywords: Vladimir Bibikhin, Power, Evolution, Ontology, Event, Idea, Matter.

DOI: 10.17323/2587-8719-2023-1-219-242.

REFERENCES

- Bibikhin, V. V. 1994. "Vlast' Rossii [Power of Russia]" [in Russian]. Vladimir Bibikhin. Accessed Sept. 18, 2022. http://www.bibikhin.ru/vlast_rossii.
- . 2011. *Les [The Wood]* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Slovo o sushchem 92. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- . 2012. *Sobstvennost'. Filosofiya svoeyego [Ownership. Philosophy of the Own]* [in Russian]. Comp. O. Ye. Lebedeva. Slovo o sushchem 100. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Nauka.
- Cicero Marcus Tullius. 1975. "Tuskulanskiye besedy. Kniga v [Tusculanae disputationes]" [in Russian]. Trans. from the Latin by M. L. Gasparov. *Istoriya drevnego mira*. Accessed Sept. 18, 2022. <http://ancientrome.ru/antlittr/t.htm?a=1422368005>.
- Dawkins, R. 2013. *Egoistichnyy gen [The Selfish Gene]* [in Russian]. Trans. from the English by N. Fomina. Moskva [Moscow]: Corpus.

- Diogen Laert-skiy [Diogenes Laërtius]. 1986. *O zhizni, ucheniyakh i izrecheniyakh znamenitnykh filosofov* [*Lives and Opinions of Eminent Philosophers*] [in Russian]. Trans. from the Ancient Greek by M. L. Gasparov. Moskva [Moscow]: Mysl'.
- Pavlov, I. I. 2019. "Ontologiya vlasti kak ontologiya istorii [An Ontology of Power as an Ontology of History]: politicheskaya filosofiya Vladimira Bibikhina [An Appraisal of Vladimir Bibikhin's Political Philosophy]" [in Russian]. *Sotsiologicheskoye obozreniye* [*Sociological Review*] 18 (3): 195–223.
- Plato. 2001. "Symposium" [in Ancient Greek and English]. In *Lysis. Symposium. Gorgias*, trans. from the Ancient Greek by W. R. M. Lamb. Loeb Classical Library 166. Cambridge (MA): Harvard University Press.
- Romanenko, Yu. M., and O. Yu. Goncharko. 2016. "A Brief History of Self-reference Notion Implementation in Byzantium: Did the Byzantine Theologians and Scholars Formulate Russell's Paradox?" *Scrinium* 12 (1): 244–260.
- Shpet, G. G. 1988. "Istoriya kak predmet logiki [History as a Subject of Logic]" [in Russian]. In *Istoriko-filosofskiy yezhegodnik 2007* [*Historical and Philosophical Yearbook 2007*], ed. by N. V. Motroshilova, 290–320. Moskva [Moscow]: Nauka.
- Vyakkerev, F. F., et al., eds. 1997. *Osnovy ontologii* [*Fundamentals of Ontology*] [in Russian]. Sankt-Peterburg [Saint Petersburg]: Izd-vo Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta.